

РУССКИЕ РАЗГОВОРЫ ИЛИ РАЗГОВОРЫ О РУССКИХ?

Публикация книги Н. Рис "Русские разговоры" в библиотеке журнала "Неприкосновенный Запас", безусловно, и полезна, и своевременна, несмотря на то, что перевод выходит почти десятилетие спустя после англоязычного издания. Блестяще написанная общедоступным языком (и вполне адекватно переведенная), эта книга выгодно отличается от зачастую переполненных специализированным жаргоном работ социологов, антропологов, а в последнее время и историков.

Работа Рис – один из самых интересных плодов знаменитого "лингвистического поворота" в гуманитарных и социальных исследованиях России – а вместе с известной работой Андрея Зорина она, несомненно, встанет в ряд исследований российской культуры, которые окажут большое влияние и на историков (Зорин 2001). Вполне можно будет говорить о филологическом и антропологическом повороте в наших гуманитарных науках.

Некоторое время назад с группой коллег по журналу "Ab Imperio" мы попытались отразить ситуацию в современной российской исторической науке, и пришли к выводу, что историки в некотором смысле зависимы от филологов, включенность которых в международное научное общение далеко превышала все, чего достигли историки (Глебов и др. 2003). Мне кажется, в антропологии и этнографии ситуация складывалась подобным же образом: в силу целого ряда причин синхронные исследования культуры, что является основной задачей для западной антропологии, были в Советском Союзе практически невозможны. Исследования абсолютизированных и эссенциализированных групп ("этносов"), их происхождения (под рубрикой "этногенеза") и материального и социального развития (под рубрикой "быт и материальная культура") занимали главное место в советской этнографии. Несмотря на то, что этот подход уходит корнями в романтическую и народническую традицию русской этнографии с ее симпатией к угнетенным народам, в современном мире, безусловно, он давно стал препятствием для развития гуманитарных и социальных наук в России и в бывшем СССР. Перевод и публикация исследования Н. Рис должны помочь этнографическому сообществу в России сформулировать новые вопросы и обратиться к исследованиям современного состояния постсоветских культур, способов их производства и динамики их изменения.

Цель своей книги Рис формулирует на страницах введения: "...на материале повседневных разговоров и практик показать, как в узловые, пусть подчас и разделенные целыми эпохами, моменты истории судьбы россиян перекликаются между собой; из обыденных разговоров я хочу извлечь и сформулировать те социальные и идеологические ориентиры, которым говорящие следуют и которые они сами воспроизводят" (Рис 2005: 23)

За внешне разобщенными, хаотическими и эмоциональными высказываниями и жалобами россиян по поводу экономической разрухи, социального и политического коллапса, бытовых неудобств в стране Рис обнаруживает стройную систему жанров, семиотических кодов и практик обозначения, которые придают смысл социальному миру в эпоху глубочайшей его трансформации. Таким образом, ее работа вполне следует в русле интерпретативной антропологии Клиффорда Гирца, считающей культуру "паутиной значений" и пытающейся отыскать за местными фактами – не могу удержаться от того, чтобы не повторить любимую фразу Романа Якобсона об "атомистических фактах" – некие общие, универсальные для данного общества принципы осмысления и означения. И хотя в случае с работой Рис остается множество вопросов методологического характера (например, касающихся репрезентативности речевых оборотов, ставших материалом для ее исследования), на уровне ежедневной практики любой здравомыслящий человек подтвердит, что Рис сумела подметить и описать весьма важный элемент современной российской культуры.

Но насколько современен или стар этот элемент, насколько уникален он и эндемичен той эпохе "свершений", в которую "имея возвышенный нрав, жить, к сожалению, трудно?" Автор по этому поводу дает противоречивые оценки и суждения, и мы попробуем взглянуть именно на эту часть вопросов, вызываемых работой американской исследовательницы. Рис говорит, что не верит в эссенциальную "русскую идентичность", воспринимая ее в русле современного конструктивизма как постоянную практику создания и воссоздания группности. И действительно, этнограф, занимающийся исследованием языков, при помощи которых группа людей описывает (и, как утверждает Рис вслед за Бурдые, структурирует и создает) современную им социальную реальность, вряд ли может защищать некую языковую константу национальной идентичности.

В то же время исследовательница утверждает, что в речевых практиках повседневности заключается огромная сила воспроизводства, и в этом смысле обнаруженные ею литании и ламентации – некий постоянный элемент все возрождаемой русскости. Русские, по мнению Рис, любят и гордятся своей принадлежностью к стране и культуре, которые подвергаются совершенно уничтожительной критике в повседневных разговорах, становясь своего рода антиутопией. "Русские разговоры", иррациональные, мешающие конструктивной и созидательной работе разумной демократии, становятся неотъемлемой частью русской национальной идентичности, своего рода предикатом нового русского субъекта.

И если когда-то нас уверяли, что русская культура – авторитарная, цивилизационно некомпетентная или излишне коллективистская, то теперь возникает ощущение, что найден еще один сущностный элемент теперь уже исследовательского плача по России: русская жалоба. Немаловажным фактом является и то, что структура и формирование литаний и ламентаций исследуются в контексте формы русской народной сказки или былинного плача Ярославны, подчеркивая древность, почти метафизичность самого жанра, удивительным образом перекочевавшего в маленькие квартирники московских интеллигентов. Схожесть современных речевых практик с древними текстами еще не говорит о генетическом родстве, а исследователи национализма давно отметили исключительную зависимость "когнитивной рамки" национальной идентичности от современного контекста. У любого сообщения есть источник, адресат и есть способ, которым оно передается в определенных культурных контекстах. Не очевидно, что крестьянские причитания, православная культура или древнерусская литература представляют собой непосредственный информационный фон постсоветской интеллигенции. В равной степени культуру жалобы можно связать с интеллигентской традицией социальной критики и отказом от процедурального и рационального решения проблем или с советской традицией самокритики, инверсированной и направленной вовне.

Более того, примеры иррационального плача и жалоб Рис обнаруживает в петициях рабочих царю в период первой русской революции (зубатовско-гапоновская организация вдруг тоже становится элементом воспроизводства литаний и ламентаций в паутине культуры?) (Там же: 213). Американская исследовательница считает, что "долгая история авторитарного правления и классового неравенства в России, включая эпоху крепостничества, тянувшуюся чуть ли не до XX в." (sic!) породила в российском обществе особые формы дискурса сопротивления, в которых жалоба становится главным элементом (Там же: 212). Рис идет еще дальше и утверждает, что "можно увидеть сложную непрерывную связь между традиционными русскими плачами, комплексом Горя-Злосчастья и современными литаниями, широко звучавшими в годы перестройки. Концептуальные модели, по которым в старой России строился дискурс о мире, обнаруживают удивительное сходство с соответствующими моделями современной русской речи. Ламентация, оплакивание оказывается тем же главным выражением того же основного мироощущения, которое мы видим и во время перестройки, в конце XX в., и сто лет назад; те же самые ценностные оппозиции определяют драматическое напряжение сегодняшнего разговора" (Там же: 217).

Для исследователя речевых практик, придающего огромное значение языку как инструменту структурирования социальной реальности, Рис иногда выступает как чрезмерный эссенциалист. Так, она говорит: "Индустриализация и иные реорганизации со-

ветского периода добавили новые элементы – детали, повороты, парадоксы – в феномен народного страдания, но вряд ли изменили его логику. Очень скоро после революции была перекроена социальная иерархия. Хотя ее составляющие получили совершенно новые обозначения – партия, номенклатура, начальство, – по существу она в значительной степени была воспроизведением иерархических структур и практики до-революционного общества" (Там же: 272). Вечная Россия с ее страдающим и жалующимся народом, с ее эссенциализированной национальной идентичностью, всегда предполагающей плач и страдание?

Кажется, здесь остается сделать один шаг и сообщить, что традиционная патримониальная власть (*Pipes* 1974), своего рода hardware российской жизни, в культурной области генерировала software жалоб и lamentаций, задачей которых, как в концепции "плохой идеологии", было поддержание отношений неравенства и власти. Но если Рис права, и функцией иррациональных lamentаций является воспроизводство и поддержание тех самых социальных неравенств и отношений власти, которые оплакиваются и критикуются в жалобах, стоит отметить, что ни в начале XX в., ни в его конце эти функции как следует так и не выполнили: и в 1917 г., и в 1989–1991 гг. старые отношения власти были сметены и открылись новые, ранее совершенно невиданные возможности социальной трансформации и мобильности, описывавшиеся, как отмечал еще Селищев, совершенно новыми языковыми инструментами (*Селищев* 1928).

Мне кажется, что именно здесь и проявляется одна из главных проблем работы Рис, состоящая в том, что ее информанты – московская или ярославская "интеллигенция", представители того самого "советского среднего класса", который стал основным двигателем перестройки и чья экономическая независимость была разрушена рыночными реформами эпохи Ельцина, и чьи речевые практики американская исследовательница спроецировала на "практики русскости" вообще. Зададимся простым вопросом: а такова ли была бы картина русских разговоров, если бы основными собеседниками Н. Рис стали не представители укорененных московских семей, а наводнившие столицу в 1990-е годы молодые провинциалы, создававшие новые предприятия, культурные продукты, воевавшие за свое место под солнцем всеми законными и незаконными способами?

Мне представляется, что исследователи часто принимают как данность существование некоей единой группы, сообщества, в данном случае – русского народа, который генерирует некий общий язык самоописания и описания социальной реальности (что связано с центральностью "национальной парадигмы" в гуманитарных и социальных науках). Поворот истории России как дисциплины к истории империи позволил понять, что мы сталкиваемся с исследовательской ситуацией, в которой групп и языков множество, они взаимодействуют и перекрещиваются между собой, порой транслируя в одном и том же тексте элементы древнего палимпсеста и совершенно новые, порожденные уникальной современной ситуацией описания (*Герасимов и др.* 2004). Работа Н. Рис блестяще описала один из таких языков самоописания. Способы его взаимодействия с другими языками, социальными или этническими, его взаимозависимость от других языков (например, интеллигентская традиция социальной критики или литературная сатирическая традиция) все еще ждут серьезного исследования.

Литература

- Герасимов и др.* 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. И. Герасимов и др. Казань, 2004.
- Глебов и др.* 2003 – *Глебов С., Могильнер М., Семенов А.* "The Story of Us": Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // НЛЮ. 2003. № 59.
- Зорин* 2001 – *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
- Рис* 2005 – *Рис Н.* Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.
- Селищев* 1928 – *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.
- Pipes* 1974 – *Pipes R.* Russia under the Old Regime. L., 1974.